

гій и серьезный; черты лица его были мнѣ знакомы по портретамъ, но я никогда не представлялъ себѣ его такимъ могучимъ и бодрымъ на видъ. Вскорѣ затѣмъ онъ потребовалъ слова. Онъ поднялся, и первая мысль, которая мелькнула у меня въ головѣ, при взглядѣ на этого стоявшаго предо мной во весь ростъ великана, была: „Вотъ кого навѣрно выбрали бы королемъ въ Норвегii, еслибы онъ былъ сыномъ ея въ средніе вѣка!“ Онъ на нѣсколько головъ выше другихъ людей, видно, что онъ опытенъ во всѣхъ физическихъ трудахъ, онъ отлично ѣздитъ верхомъ, отличный боецъ на рапирахъ и превосходный стрѣлокъ, осанка его—осанка средневѣкового начальника племени. Грубые черты лица говорятъ за непреклонную волю, энергичный и проницательный умъ. Мнѣ вспоминаются слова Мериме по поводу біаррицкаго свиданія съ Бисмаркомъ, что это очень любезный нѣмецъ *et pas du tout naïf*. Въ немъ нѣтъ ни наивности, ни сентиментальности. Онъ заговорилъ. Въ первый моментъ рѣчь его поражаетъ, такъ какъ ожидаешь совсѣмъ другого; невольно удивляешься, что такой знаменитый ораторъ не краснорѣчивъ. Онъ какъ бы чувствуетъ замѣшательство, ищетъ слова, вертитъ лихорадочно карандашомъ въ рукахъ, какъ бы стараясь такимъ образомъ вытолкнуть изъ себя слова. Рѣчь его отрывиста, но поражаетъ слушателя; слово какъ будто вертится у него на языкѣ, онъ точно взвѣшиваетъ его значеніе, какъ бы обдумывая: не лучше ли оставить его про себя, такъ какъ его перепечатаютъ завтра во всемъ свѣтѣ, но нѣтъ, онъ находитъ его подходящимъ, и слово отрывисто облетаетъ всю залу. Весь залъ превращается въ слухъ, когда онъ начинаетъ говорить. Онъ держалъ рѣчь собранію, состоявшему изъ абсолютнаго большинства, дружественно настроенныхъ слушателей, если не поклонниковъ, что всегда даетъ оратору много шансовъ на успѣхъ. Онъ могъ поэтому отпускать шутки безъ опасности быть не понятымъ и часто отпускалъ ихъ. Рѣчь шла о довольно второстепенномъ обстоятельстве, а именно, о постройкѣ новаго дома для посольства въ Петербургъ; я помню, онъ выставялъ на видъ отсутствіе личной выгоды для него въ этомъ дѣлѣ, шутливо замѣчая, что самъ онъ, правда, былъ много лѣтъ тому назадъ посломъ въ Россіи, но теперь положительно не имѣетъ болѣе видовъ на это даже въ самомъ далекомъ будущемъ; онъ хвалился съ шутливой улыбкой на губахъ, что заботится о постройкѣ такого красиваго зданія, для „счастливыхъ своихъ преемниковъ“. Послѣ я много разъ слышалъ Бисмарка, но первое впечатлѣніе было все-таки самое глубокое. Фигура его невольно приковываетъ вниманіе: грубое съ